

Двадцать восьмого числа третьего месяца весна была особенно ласковой и тёплой.

Ближе к закату весь посёлок услышал, как во дворе семьи Вэнь раздались звуки петард. Хотя это уже второй свадебный пир, и пригласили только ближайших знакомых, в остальном Вэнь Ецай ни в чём не скупился. Не только запустил длинную ленту петард, но и каждому ребёнку, что подходил к воротам с хорошими пожеланиями, вручалась сладость.

Теперь, когда молодая чета завоевала уважение в деревне, они пригласили на бракосочетание деревенского старосту Сюй Байфу в качестве главного свидетеля, а свекровь Ян Хунэра, Сюй Хань-ши попросили выступить в роли «женщины благополучия».

Сюй Байфу, будучи старостой, за свою жизнь провёл бесчисленное количество свадеб. В последние годы, когда он состарился, звать его на такую церемонию удавалось немногим, и сам факт, что он согласился прийти в дом Вэнь, вызвал у многих зависть. Однако все понимали, что в этом нет ничего необычного. Если бы не искусное врачевание Юй Шанчжи во время вспышки эпидемии в прошлый раз, правнук старосты давно бы уже умер, да и другие дети в деревне также не избежали бы гибели.

Что до Сюй Хань-ши, то она супруга старшего сына Сюй Байфу. Хоть и была выдана замуж из другого селения, родители её живы, с братьями и сёстрами отношения добрые, да и своих детей у неё уже двое. К тому же, обладая статусом старшей невестки семьи деревенского старосты, она была как нельзя более подходящей кандидатурой на роль женщины благополучия.

Так как церемония выкупа невесты была упрощена, Сюй Хань-ши в этот раз лишь помогла расстелить постель, а затем вместе с Су Цуйфэнь осыпала кровать финиками, лонганями и арахисом - к плодородию и счастью в браке.

Когда в спальне всё было подготовлено, наступил и счастливый час. Главная комната семьи Вэнь была вычищена до блеска. На центральном столе стояли таблички памяти Вэнь Юнфу и Цяо Мэй. Но перед ними горели две алые свадебные свечи, свет которых разгонял присущую табличкам мрачную атмосферу. Кроме того, на всех видимых окнах в доме были наклеены вырезанные из алой бумаги иероглифы «囍» (двойное счастье), даже на шеях вола во дворе, а также Давана и Эрвана, были повязаны красные шнуры.

Скромный двор деревенского дома в таком убранстве сразу обрёл праздничный вид - глядя на него, невольно расплываешься в улыбке и словно заражаешься радостью.

Когда до поклона у алтаря оставались считанные мгновения, вся главная комната была уже битком набита людьми, приглашёнными на пир, все выстроились в круг, чтобы стать свидетелями церемонии. А Вэнь-эрню и Вэнь-санья, одетые в свои новые праздничные одежды, весело улыбались, глядя на своего старшего брата и Юй Шанчжи.

Нельзя не признать, что стоя рядом, эти двое и впрямь смотрелись как нельзя более гармонично. Пусть внешность Вэня Ецай и не была столь изящной, как у прочих герцов, но

рядом с Юй Шанчжи в нём будто бы проявлялась некая особая благородность и сила.

Под пристальными взглядами гостей Сюй Байфу громким голосом возгласил свадебные благословения:

- Первый поклон — Небу и Земле: пусть будут своевременные дожди и ветры, пусть зреют обильные урожаи!

Молодожёны поклонились, совершив три глубоких поклона.

- Второй поклон — предкам и родителям: пусть духи на небесах оберегают дом и здоровье детей!

Молодожёны вновь склонились в трёхкратном поклоне.

- Третий поклон — друг другу: в счастье соединяются сердца, свершилось бракосочетание, угодное небесам!

Молодожёны в третий раз поклонились, но без земных поклонов.

Когда супруги поднялись, по обе стороны дома вновь разразился шум и веселье, будто взорвалась праздничная хлопушка. В отличие от прошлой, омрачённой трудностями церемонии, сегодня Вэнь Ецай впервые, под весёлый смех и радостные возгласы, взял Юй Шанчжи за руку.

На этот раз на свадьбу пригласили достаточно гостей, только одна семья Сюй заняла целых четыре стола. Помимо них были и Ху Дашу с семьёй, и вдова Лю, помогавшая в прошлый раз. Всего собралось шесть полных столов.

После завершения церемонии поклонов Вэнь Ецай сразу нырнул в кухню, чтобы начать выносить блюда, тогда как Юй Шанчжи остался встречать гостей, время от времени украдкой поглядывая в сторону кухни. Многие заметили это и не удержались от поддразниваний:

- Не думали, что наш Юй-ланчжун окажется таким привязанным к своему супругу. Смотрите-ка, и ведь не впервые женятся, а только на минутку разлучились - уже скучает!

От этих слов у Юй Шанчжи даже слегка вспыхнули щеки.

К этому времени на столах уже стояли первые два блюда и была подана выпивка. На деревенских пиршествах не особенно придерживаются формальностей - как только еда на столе, так и начинают трапезу. Некоторые нетерпеливые мужики уже вовсю распивали вино, и Юй Шанчжи тоже не избежал участи, ему поднесли чашу. Он, впрочем, лишь пригубил для

вида, ведь впереди ещё предстояло обносить гостей с настоящими тостами, и делать это следовало уже вдвоём с Вэнь Ецаем.

Вскоре на столах появились все блюда, и большинство из них были настоящими угощениями: в пищу щедро клали масло и соевый соус, ароматы разносились по всей округе. В качестве основного подали чистые белые маньтоу из пшеничной муки, на стол выставляли по десять штук, и их тут же расхватывали подчистую.

Увидев, как разошлись гости, Вэнь Ецай, управившись со своими делами, тоже подхватил чашу вина, и вдвоём с Юй Шанчжи они пошли от стола к столу, приветствуя и угощая каждого. Сегодня он, как и хотел Юй Шанчжи, надел серебряный браслет, и каждый раз, когда поднимал руку, холодный блеск металла на его запястье невольно привлекал взгляды окружающих.

Су Цуйфэнь, считавшая Вэнь Ецай почти членом семьи, ещё в доме успела расспросить о браслете и узнала, что тот был подарен Юй Шанчжи, куплен на его собственные деньги. Вспомнив об этом, она невольно почувствовала радость и гордость.

У Вэнь Ецай был по-настоящему талант к кулинарии, особенно когда дело касалось дичи. За праздничным столом не стихал звон посуды, а каждый, попробовав еду, отзывался с нескрываемым восторгом.

Если не считать семью Сюй Пэна, то остальные из семьи старосты Сюй Байфу прежде почти не общались с семьёй Вэнь. Но, приняв приглашение на пир, они впервые увидели, насколько хорошо живётся в охотничьем доме. Каких только угощений не было на столах - и дикие кролики, и бамбуковые курочки, и огромные горные рыбы, наваленные в чаши с горкой. Даже те дети, что обычно каждый день едят сытную жирную пищу, и те теперь не могли остановиться.

Помимо кулинарных дарований Вэнь Ецай, всех немало удивила и выносливость Юй Шанчжи к алкоголю. Изначально, глядя на его утончённый облик, на манеру говорить, совсем не грубую, как у деревенских мужиков, и на телосложение, уступающее крепкому Вэню Ецаю, все думали: ну, выпьет он пару чашек и тут же опьянеет. Ведь в этот раз на столе был вовсе не дешёвый мутный самогон, а куда более крепкий алкоголь, с насыщенным ароматом и резким вкусом.

Однако, несмотря на все ожидания, Юй Шанчжи, обойдя с тостами все столы, выглядел лишь всё более бодрым, глаза его сияли, а на лице не было и намёка на опьянение. Уловив удивлённые взгляды, устремлённые в свою сторону, он слегка приподнял бровь с лёгкой насмешкой. В конце концов, ещё в прошлой жизни у него была хорошая выдержка: хоть и пил редко, но ни разу не опьянел. А уж здешнее вино, по своим свойствам и крепости, и вовсе не шло ни в какое сравнение с привычным ему.

Осознав, что Юй Шанчжи не одолеть, деревенские мужики принялись угощать Вэнь Ецай. Тот был в хорошем настроении, потому никому не отказывал, пил залпом одну чашку за другой, и очень скоро его щёки окрасились румянцем, а походка стала нетвёрдой.

Юй Шанчжи, заметив это, поспешил подойти и встал между ним и следующей чашкой.

— Мой А-Е не силён в выпивке, — обратился он к Ху Дашу, — дай лучше я выпью за него.

Но тот притворно нахмурился:

— Если уж за него пьёшь, тогда одной чашкой не отделаешься, придётся выпить две.

Услышав это, Вэнь Ецай тут же поднял голову и громко возразил:

— Я ещё не пьян, брат Дашу, лучше я сам с тобой выпью!

Пьяные люди всегда твердят, что не пьяны. Юй Шанчжи, и смеясь и вздыхая, придержал своего супруга за плечо. В конце концов ему самому пришлось осушить те две чаши вина, ни разу не моргнув глазом.

После нескольких кругов застолья, когда небо окончательно потемнело, пирушка подошла к завершению. Вэнь Ецай, напившись вдоволь, давно уже был отведён в дом, а Юй Шанчжи остался один провожать гостей, на прощание каждому улыбаясь, провожая до калитки и неизменно благодарно кивая в ответ на пожелания «счастья и согласия» и «скорого пополнения в семье».

Вернувшись во двор, он обнаружил, что остались только женщины и геры, пришедшие помочь: нужно было разобрать столы и скамьи, вымыть всю посуду и вернуть её по домам. Юй Шанчжи закатал рукава, собрался было присоединиться, как тут же был остановлен Су Цуйфэнь:

— Ай, мальчик Юй, тебе куда соваться! Ты что, забыл, какой у тебя сегодня день? Живо иди в дом, к Цай-геру, тут без тебя управимся, тебе ничего делать не надо.

Стоящие позади тётушка Лю и Бай Пин сдержанно улыбались, явно поддерживая каждое слово. Юй Шанчжи сразу уловил скрытый подтекст в этих словах, и, ничего не сказав, только беспомощно усмехнулся с лёгким вздохом.

В это же время из кухни донёсся голос Вэнь-эрню:

— Брат Юй, похмельный отвар, который ты велел приготовить, готов!

Су Цуйфэнь похлопала Юй Шанчжи по спине:

— Ступай уже.

— Тогда побеспокою вас всех, — Юй Шанчжи вежливо сложил руки в жесте благодарности, только после этого повернулся.

Вэнь-эрню подала ему чашку с горячим похмельным отваром, а в большом котле позади ещё кипела вода. Даван и Эрван лежали в углу, счастливо поедая остатки еды и баоцзы. Для этих двух псов сегодняшний день был сродни празднику.

Юй Шанчжи, неся отвар, вошёл в дом. Почувствовав стойкий запах вина, он невольно опустил голову и принялся к своей одежде - действительно пропиталась. Покачав головой, он откинул занавес и вошёл в спальню. Верхнюю одежду с Вэнь Ецяя он снял ещё раньше, и теперь тот лежал на спине, прикрыв глаза рукой.

Услышав шаги, он приоткрыл глаза, но головокружение было столь сильным, что он едва мог пошевелиться.

— Муж? — позвал он, и Юй Шанчжи сразу ускорил шаг.

Поставив дымящийся отвар на стол, он подошёл к тазу у кровати, смочил в нём платок и начал вытирать Вэнь Ецяю лицо.

— Стоило мне на миг отлучиться, и уже обращение сменилось? — с улыбкой сказал Юй Шанчжи, при этом лёгонько щёлкнув Вэнь Ецяя по носу.

Тот нахмурился:

— Сегодня ведь ты официально вошёл в дом... А что, тебе не нравится такое слышать?

— Да я только рад, — ответил Юй Шанчжи, убрал платок и взяв его за руку, чтобы нажимать на точки от головокружения и тошноты. — Подожди, когда отвар остынет, выпьешь и отдохнёшь немного. Я велел Эрню нагреть воду - перед сном примешь горячую ванну.

Хоть это и не была настоящая первая брачная ночь, но всё же такое повседневное, простое общение для других семей в такой день было бы редкостью. Вэнь Ецай чувствовал, будто чего-то не хватает. Юй Шанчжи нажимал точки уже какое-то время, и, когда стало полегче, тот, шатаясь, сел и мягко завалился вперёд.

Юй Шанчжи тут же подхватил его, услышав, как тот проговорил:

— После ванны мы просто спать пойдём?

— А ты не хочешь спать? — Юй Шанчжи опустил взгляд.

Вэнь Ецай ткнул его в живот пальцем:

— Притворщик. Не прикидывайся.

Хотя ванна и была просторной, наполнить её горячей водой было делом не из лёгких, на это уходило немало времени. Увидев, как Юй Шанчжи в который раз несёт в дом ведро с горячей водой, Вэнь Ецай впервые пожалел, что когда-то настоял на такой большой кадке.

— Давай я помогу, — он опёрся на кровать, собираясь встать, но Юй Шанчжи мягко прижал его обратно.

— Отдыхай, я сам.

Какой же это брак, если в первую брачную ночь супругу приходится таскать воду для купания? С этими мыслями Юй Шанчжи снова взял пустое ведро и вышел.

Но уже вскоре Вэнь Ецай вспомнил, почему изначально и выбрал такую большую купель - ведь она действительно могла вместить двоих. По воде расходились лёгкие ряби, но тело его казалось даже горячее, чем вода. Юй Шанчжи взглянул на промокшего от пара и воды супруга, и не раздумывая, прижал его к бортику ванны, жадно целуя.

Когда они, оставляя мокрые следы, переместились в постель, Вэнь Ецай всё ещё не мог прийти в себя, и в голове его промелькнула лишь одна, совершенно неуместная мысль: неужели Юй Шанчжи и вправду может его поднять?

Если бы Юй Шанчжи знал, что в такой момент Вэнь Ецай ещё умудряется думать о подобном, он бы наверняка счёл, что его недооценивают.

Однако вскоре он собственными силами увлёк супруга в новый, стремительный водоворот страстей, и под конец даже этот выносливый молодой человек не мог пошевелить и пальцем.

Ранее налитая горячая вода давно остыла, но Юй Шанчжи и тут оказался предусмотрителен, пламя под очагом он не тушил. Он вновь вышел, принёс кувшин с водой, развёл её до нужной температуры и тщательно вымыл их обоих, прежде чем лечь в постель.

Теперь Юй Шанчжи, испытав сладость близости, наконец понял, почему брачная ночь считается одной из четырёх величайших радостей в жизни. Чувство, когда любимый человек принадлежит тебе целиком и без остатка, опьяняло подобно вину.

Правда, первый раз оказался несколько сумбурным, и он подумал, что Вэнь Ецай, возможно, так и не успел как следует насладиться происходящим. С этими мыслями он притянул супруга в объятия.

Вэнь Ецай сам устроился удобнее, прижавшись к Юй Шанчжи, и спокойно заснул.

Этот сон для Юй Шанчжи стал самым сладким и безмятежным за всю жизнь, а проснулся он с необычайной лёгкостью в теле и ясной головой. В полном контрасте с ним пребывал Вэнь Ецай: у него и от похмелья ломило голову, и всё тело болело так, будто его избили. С раннего утра он, словно морской осьминог, повис на Юй Шанчжи, ни за что не позволяя тому встать с постели.

— Ты же меня вчера всю ночь туда-сюда и так, и этак вертел... Неужто спину мне надорвал? — ворчал он, хоть и был в полупьяном состоянии, но прекрасно помнил, как Юй Шанчжи уложил его в какой-то странной позе. Помнил и то, как поначалу было нестерпимо больно, хоть позже стало уже не так плохо.

Юй Шанчжи чувствовал себя виноватым, поэтому лишь крепче прижал супруга к себе, опуская ладонь к его пояснице.

— Я был осторожен и не мог тебя поранить. Давай я разомну, сразу станет легче.

Вэнь Ецай и сам сдался, перевернулся на живот, позволяя Юй Шанчжи промять уставшие мышцы. Под руками супруга ему стало так хорошо, что он даже поджал пальцы ног. Затем, подогнув ногу, тыльной стороной ступни он провёл по плечу Юй Шанчжи:

— Эй, а правда... если делать как вчера, можно и впрямь зачать ребенка?

Юй Шанчжи совершенно не ожидал такого вопроса и тут же поперхнулся собственной слюной, пришлось уже Вэнь Ецаю хлопать его по спине, чтобы тот отдышался.

— Ты ведь сам лекарь, а как дело дошло до такого вопроса, растерялся, как мальчишка. А ведь вчера как старался!

У Вэнь Ецай рано умерли родители, и до свадьбы рядом не было никого, кто мог бы объяснить такие вещи. Все его скудные познания на эту тему были добыты из бесед с Бай Пином после его замужества - с бесстыдным любопытством он выспрашивал у него всё, что тот знал. Потому-то вначале он и сам не до конца понимал, что происходит, но раз уж Юй Шанчжи явно был более сведущ, он спокойно доверился мужу и полностью отдался ему.

Юй Шанчжи с горькой усмешкой подумал, что просто не ожидал, что первым же утренним вопросом будет такое. Но раз уж Вэнь Ецай оказался в этом деле не слишком сведущ, ему действительно следовало всё как следует объяснить.

Пояснив суть, он увидел, как Вэнь Ецай, несколько раз моргнув, вдруг протянул к нему руку:

— Тогда ты уж проверь пульс.

Юй Шанчжи с беспомощной улыбкой отстранил его руку:

— Так быстро это не бывает. Даже если с первого раза всё и получилось, сейчас по пульсу определить всё равно нельзя.

К тому же зачатие у геров дело не из лёгких. Если бы у них получилось с первого раза, вся деревня бы только об этом и гудела.

— Хорошо всё-таки, когда у тебя муж — лекарь, — весело отозвался Вэнь Ецай, обвив рукой шею Юй Шанчжи и, не мешкая, соскользнул с кровати.

Юй Шанчжи, наблюдая, как тот хоть и двигается слегка неуклюже, но в целом чувствует себя нормально, наконец успокоился. Он быстро оделся и поспешил следом из спальни.

Солнце уже стояло высоко, если не поторопиться, делами в доме заниматься будет некому.

После шумного свадебного пира в доме Вэнь снова воцарилась мирная рутина. Вэнь Ецай теперь почти каждые три дня ходил в горы, а если не было заранее условленных пациентов, Юй Шанчжи непременно сопровождал его. За несколько таких походов в доме скопилось немало самых разных трав. Теперь, чтобы приготовить привычные настои для Вэнь-саня и самого Вэнь Ецай, нужно было лишь время от времени докупать в «Байцзитане» те немногие ингредиенты, что не созревают в это время года. А при обычной простуде и недомоганиях теперь уже и не нужно было идти в уезд, Юй Шанчжи всегда мог выдать лекарство на месте.

Если приходивший на приём человек был в стеснённых обстоятельствах, Юй Шанчжи всегда советовал народные рецепты. Пусть они действовали не так быстро и эффективно, как аптечные снадобья, но всё же были лучше, чем ничего.

Весть о том, что он регулярно делает иглоукалывание и лечит парализованного Кон И, невесть как, но стремительно разлетелась по всей деревне. Даже когда Вэнь Ецай работал в поле, его останавливали с расспросами.

Главное, Кон И лежал пластом столько лет, говорили, что у него разве что голова ещё соображает. И вот такого больного Юй Шанчжи всё-таки взялся лечить?

Вэнь Ецай каждый раз без задней мысли объяснял:

— Шанчжи говорит, если бы он попал к нему сразу после травмы, возможно, ещё можно было бы вылечить. Но сейчас уже слишком поздно. Он просто старается, чтобы у Кон И хоть руки стали посильнее, чтобы мог сам еду подносить ко рту, да может, и корзину плести или сандали из травы вязать, чтоб как-то себе на жизнь заработать.

Люди при этом понимали:

— Вот оно как! Так ведь это Конам повезло. Я вот недавно встречала ту девчонку, Майя её звать, лицо аж светится - видно, в доме полегче стало.

— Ай, добрый он человек, этот Юй-ланчжун. Только, Цай-гер, ведь Коны ж не могут за лечение платить, выходит, всё за твой счёт? Не хочу сглазить, но это ж, считай, бездонная яма...

Сталкиваясь с такими словами, да ещё с выражением на лице в духе «я ведь для твоего же блага», Вэнь Ецай считал, что у него теперь характер стал куда сдержаннее, чем прежде.

- Что значит “ты” да “твой”? Мы с Шанчжи одна семья, деньги у нас общие, тратим из одного кошелька. Честно скажу, я и зарабатывать так, как он, не умею. Да и, как гласит старая поговорка, “спасти одну жизнь — всё равно что построить семиэтажную пагоду”. Если бы Кон И дальше так жил, их с дочерью ждала бы лишь безысходность. А теперь, когда у них появилась надежда, это уже считается добрым делом. Можно сказать, мы с Шанчжи этим накопим благодати для наших будущих детей.

Речь Вэнь Ецай прозвучала открыто и прямо, совсем не как раньше, когда в его словах всегда проскальзывали уколы - настолько, что окружающие даже слегка опешили.

В конце концов кто-то сам выступил с примиряющим словом:

- Верно говорит. А если этот паралитик Кон и вправду со временем сможет заработать хоть какие-то копейки, может, и отдаст потихоньку.

Вэнь Ецай не стал продолжать разговор. Размахнувшись мотыгой, вычистил пучок травы в поле, нагнулся, поднял его и закинул в сторону - на потом, чтобы измельчить и скормить курам и уткам.

Закончив с работой в поле, он заодно завернул в дом Кон, чтобы забрать Юй Шанчжи.

- По сравнению с прошлым разом, вроде есть улучшения.

Когда Вэнь Ецай вошёл, Юй Шанчжи как раз проверял силу пальцев у Кон И. Он дал тому ложку, попросив попробовать удержать её пальцами - хотя в итоге та всё же упала, было видно, что мужчина попытался её зажать.

- Продолжай делать такие упражнения каждый день, — напомнил он. — С этим делом торопиться нельзя.

Убедившись, что Кон И его услышал, он почувствовал удовлетворение. С каждым сеансом иглоукалывания, проводимым раз в три дня, он наглядно наблюдал, как этот когда-то одержимый мыслями о смерти мужчина понемногу меняется. Теперь даже перед приходом Юй Шанчжи просил Кон Майя помочь ему умыться и побриться.

Услышав снаружи голос Вэнь Ецая, он убрал иглы в чехол.

- Приду через три дня, — сказал он напоследок.

Когда они с Кон Майя вышли из дома, Юй Шанчжи, идущий рядом, тихо спросил:

- Майя, я замечаю, что ты каждый раз очень внимательно следишь за мной, когда я ставлю иглы. Ты что-нибудь поняла?

Кон Майя тут же застыла, опустив взгляд к ногам. Она-то думала, что делает всё незаметно, кто бы мог подумать, что Юй-ланчжун давно всё заметил.

Почуввав её волнение, Юй Шанчжи поспешил добавить:

- Ты не бойся, это вовсе не какой-то тайный секрет, о котором нельзя говорить. Мне просто любопытно: ты запоминаешь точки, или стараешься понять саму технику введения игл?

Услышав, что Юй Шанчжи вовсе не собирается её упрекать, Кон Майя удивлённо подняла взгляд и посмотрела на него. Пальцы её тербли край одежды, голос прозвучал тихо:

— Я запомнила все точки. Подумала, может, когда-нибудь пригодится.

Услышав это, Юй Шанчжи на некоторое время задумался, а затем спросил:

— Рецепт, который я прежде выписывал для твоего отца, ты все иероглифы на нём узнала?

Кон Майя немного растерянно покачала головой:

— Некоторые знаю, а некоторые — нет.

Юй Шанчжи кивнул, не теряя спокойствия:

— Принеси рецепт, я сейчас объясню тебе все незнакомые слова.

Вэнь Ецай с удивлением наблюдал, как Юй Шанчжи вдруг начал учить Кон Майя, хотя и не до конца понимал, зачем это. Но раз уж тот так поступил, значит, у него на то есть свои причины. Дождавшись, пока они закончат, ему стало скучно. Заметив, что в кувшине у семьи Кон почти не осталось воды, он взял коромысло с ведрами и отправился за водой.

Когда Вэнь Ецай вернулся и наполнил сосуд, Юй Шанчжи уже успел разобрать с Кон Майя все

непонятные иероглифы. Она думала, что то, что она сделала, не было очевидным, но она знала, что Юй-ланчжун уже видел это. Кроме того, он вкратце рассказал о свойствах и действии этих лекарственных трав.

Когда Юй Шанчжи ушёл, Кон Майя всё ещё держала в руках рецепт, на лице её застыло задумчивое выражение, и долгое время она не двигалась.

Начало апреля, после наступления Лися — сезона начала лета, в поле зацвела и наливалась колосом пшеница, что означало приближение жатвы. С наступлением лета погода постепенно становилась жаркой, и четыре человека из семьи Вэнь наконец дождались своих лёгких летних одежд.

Ткань, купленную в прошлый раз, Вэнь Ецай отнёс жене опытного портного из семьи Лю в их деревне, чтобы та сшила им одежду. По обычаю в таких делах обычно участвуют геры и девушки, но, увы, ни брат, ни сестра из семьи Вэнь не могли похвастаться хоть сколь-нибудь приличными навыками шитья. В конце концов Вэнь Ецай подумал и решил, что нательное бельё вроде нижних рубаш и подштанников он сошьёт сам, а вот верхнюю одежду лучше поручить тому, кто действительно умеет, чтобы не испортить зря хорошую ткань.

Когда одежда была готова, супруга Лю лично принесла её к ним, приговаривая, что если размеры окажутся неподходящими, она без проблем всё подгонит. Однако мастерство у неё действительно было безупречное - все четыре комплекта сели как влитые, за работу она взяла сто пятьдесят вэней. Получив деньги, жена Лю убрала их в кошель и достала из бамбуковой корзины обрезки ткани.

- Это остатки от пошива, вам пригодятся в будущем.

Вэнь Ецай, увидев это, не стал сразу забирать, а сказал:

- Сестра, ты выбери себе пару кусочков, забери домой.

- Ой, как же так можно, ты ведь купил только хорошую ткань.

Но, увидев, что Вэнь Ецай настаивает, она всё же выбрала немного лоскутков. Крестьяне приучены к бережливости, даже одежду, которую уже невозможно починить, оставляют, чтобы потом из неё шить обувь, что уж говорить об этих качественных остатках ткани.

Довольная, жена Лю ушла, а Вэнь-эрню, обняв новое платье, радостно подпрыгивала.

- Брат, я хочу прямо сейчас его примерить!

Сказав это, она поспешно схватила Вэнь-санья за руку, опасаясь, что Юй Шанчжи может быть против:

- Санья сказал, что он тоже хочет примерить!

Вэнь-санья уже давно привык быть её «живым щитом», но, потрогав новый верх, признал, что он и правда отличается от всего, что у него было раньше — такой мягкий и гладкий.

Новая одежда - дело хорошее, и Вэнь Ецай не стал ограничивать младших, велел им аккуратно одеваться, а сам потянул Юй Шанчжи за руку в дом.

Юй Шанчжи, стройный как бамбук, был водворён Вэнь Ецаем в центр спальни, а следующий приказ прозвучал так:

- Ну ты же хотел примерить, чего стоишь? Раздевайся давай.

Молодожёны примеряли наряды добрый час, и когда наконец вышли, дикая цветущая веточка, воткнутая в причёску Вэнь-эрню, уже почти завяла.

- Брат Шанчжи, брат, вы так долго! — ворчала она, но, завидев Юй Шанчжи, слегка округлила глаза.

- Брат Шанчжи, у тебя и правда очень красивая одежда!

Вэнь Ецай тут же прищурился:

- Что значит - у брата Шанчжи красивая, а у меня, значит, нет?

Вэнь-эрню оглядела их обоих и увидела, что ткань на их одежде действительно одна и та же, лишь фасоны немного различаются. Но, как ни крути, брат Шанчжи в этой одежде выглядел чуть лучше, чем её родной брат. Правда, вслух говорить об этом она не захотела:

- Оба красивые! Я же ещё не успела вас обоих похвалить!

Хитро прищурившись, она снова вытолкнула Вэнь-санья на передний план:

— Санья, ты ведь учёный, ты умеешь хвалить, ну-ка давай, скажи что-нибудь этакое, как у людей учёных принято.

Вэнь-санья изобразил выражение редкой для ребёнка его лет усталой обречённости, подумал и выдал:

— Брат Шанчжи выглядит учёным и изысканным, а брат — свободным и лихим.

Теперь даже Юй Шанчжи рассмеялся:

— Хорошо, Санья! Не зря книги читаешь.

Лёгкая летняя одежда как будто приглушила летний зной, и жара уже не казалась такой нестерпимой. Но для Юй Шанчжи, человека из современного мира, привыкшего к кондиционерам и даже вентиляторам, утешением оставалось только старое «в сердце прохлада».

В один из таких дней соседка Су Цуйфэнь привела Пань-ши на приём: та уже несколько дней не ела, а если и ела, то жаловалась, что не переваривается.

— Мы с Да Линем за нее прямо сами уже испереживались, — добавила Су Цуйфэнь, — глянь, у меня на губе от этого уже волдырь вскочил!

Юй Шанчжи, проверив пульс, успокоил их обеих:

— У невестки просто летний упадок аппетита, ничего серьёзного. Если нет желания есть, можно попробовать сделать что-нибудь лёгкое — вроде салата из сельдерея или люфы, или просто сварить лёгкий суп.

При этих словах он словно что-то вспомнил, встал и подошёл к деревянной полке, порывшись среди сушёных трав, достал несколько обработанных растений:

— Это сякуцао, я его пару дней назад подготовил. Заваривать в воде - снимает жар и воспаление. Тётушка, вы с братом Да Линем попейте пару раз, и всё пройдёт.

Су Цуйфэнь, увидев, что он отдаёт травы, полезла за деньгами, но Юй Шанчжи мягко отстранил её руку:

— Не нужно, тётушка, что вы. Это ж повсюду растущая дикая трава, выйди за калитку — и собирай. Я и сам для дома её готовил, как можно с вас деньги брать?

Пока они разговаривали, вернулся Вэнь Ецай. Заметив Су Цуйфэнь и Пань-ши, он с улыбкой поздоровался. Узнав, что с Пань-ши всё в порядке, сразу же сказал:

— Тётушка, по дороге я слышал, как говорили, что Фу-гер начал сватовство. Такая радость, а вы мне ничего не рассказали!

Су Цуйфэнь засмеялась:

— Да ты ж знаешь, как у нас в деревне, языки у всех длинные, чуть что услышат - сразу разнесут. Пока что только разговоры ведём, чего тут особо рассказывать. Но паренёк один приглянулся, сейчас вот твой дядя Пэн и думает.

Поговорив ещё немного о житейском, Су Цуйфэнь поднялась:

— Ну, ладно, дел дома гора, пойду я.

Вэнь Ецай проводил Пань-ши до ворот, где Су Цуйфэнь остановилась, жестом показала Пань-ши идти дальше, а сама повернулась к нему и сказала:

— Цай-гер, ты в последнее время не видел Юй-гера из семьи Ван?

Ван Сяюй?

Имя показалось Вэнь Ецаю чуть ли не чужим, он даже вздрогнул от неожиданности. Лишь сейчас он осознал, что и вправду уже давно не встречал этого несносного гера в деревне.

— В последнее время я был очень занят, — сказал он. — Сейчас, когда вы упомянули, тётушка, только и вспомнил - действительно, не видел его уже сколько дней.

Су Цуйфэнь тяжело вздохнула и понизила голос:

— И мы не знаем, что там произошло. С тех пор как в прошлый раз кто-то слышал, будто Чан Цзиньянь бьёт Юй-гера у себя дома, она, похоже, и вовсе перестала выпускать его за порог. Однажды тётушка Танхуа, что живёт по соседству, видела, как он ночью вскарабкался на стену между домами, бормоча что-то о смерти, она тогда так напугалась, чуть в обморок не грохнулась. А в последнее время Чан Цзиньянь и вовсе словно с ума сошла — вспыльчивая, как порох, всё норовит с кем-нибудь сцепиться. Вы же с их семьёй с давних пор не ладите, так что если встретишь - не ввязывайся, постарайся обойти стороной. А то, не дай бог, вцепится и не отстанет.

Вэнь Ецай кивнул: теперь у него был муж, и свои домашние заботы едва успевал разгрести — уж точно не до того, чтобы связываться с семьёй Ван.

Но если уж Су Цуйфэнь пришла предостеречь Вэнь Ецай, значит, она явно что-то предчувствовала насчёт семьи Ван. Всё-таки прожила полжизни, чего только не повидала.

И действительно, не прошло и пары дней, как в семье Ван случилось большое несчастье - Ван Сяюй бросился в реку.

Хотя вскоре после прыжка его вытащили два старших брата, Ван Сяюй не умел плавать, и за

то короткое время успел наглотаться воды. С виду он вроде ещё был в сознании, но в глазах стояла пустота. В такой критический момент в семье Ван уже было не до вражды с Вэнями - оба брата без промедления понесли Ван Сяюю прямиком к дому Вэнь, умоляя Юй Шанчжи спасти младшего.

Юй Шанчжи велел скорее перевернуть его и начать отбивать по спине. После долгих хлопков Ван Сяюю с трудом выплюнул ещё два полных рта воды, затем обмяк и вновь осел в объятиях старшего брата.

Хотя Ван-да и Ван-эр с детства не жаловали младшего, избалованного до предела материнской любовью, но в конце концов это же их плоть и кровь. Когда стало ясно, что он всё же выжил, все невольно с облегчением выдохнули.

Юй Шанчжи тоже испытал облегчение — хорошо, что успели вовремя, а то если бы гер уже не дышал, пришлось бы делать искусственное дыхание и реанимацию, а это наверняка вызвало бы немало пересудов и шепота за спиной.

Стоявший рядом Вэнь Ецай никогда прежде не видел Ван Сяюю в таком состоянии — словно выжатая тряпка, безжизненный и затравленный. Пока он недоумевал, что же толкнуло того на отчаянный шаг, краем глаза заметил, как за воротами двора толпятся несколько бездельников, вытягивая шеи и заглядывая внутрь, а их взгляды были устремлены прямо на промокшего до нитки Ван Сяюю.

Вэнь Ецай тут же понял, чего они хотят, и вместе с Вэнь-эрню тут же отправился в дом, откуда вынесли циновку из бамбука; вдвоём, держа за края, они подняли её и надёжно преградили путь всем нескромным взорам.

Хотя Ван Сяюю миновал опасность, его состояние всё равно оставляло желать лучшего. Юй Шанчжи велел братьям уложить его на другую циновку, расстеленную на земле, и, взяв его за запястье, начал прощупывать пульс. Результат оказался неожиданным — ощупав пульс, он заглянул ему в рот. Язык был ярко-красным, с густым налётом, пульс — скользкий и частый: всё это указывало на внутреннюю закупорку влажным ядом.

Юй Шанчжи на мгновение задумался и уже собирался расспросить братьев Ван о подробностях, как вдруг, с опозданием, заявила Чан Цзиньянь. С учётом того, какой её знали в деревне, все ожидали, что, узнав, как её Юй-гер едва не погиб, она тут же начнёт голосить, устраивая трагедию с криками и причитаниями. Но на удивление, увидев, что Ван Сяюю очнулся, она мигом кинулась вперёд, резко схватила его за запястье и потащила наружу.

— Стоило мне только выйти из дома, ты тут же выкинул такое! Живо пошёл домой! Позоришь всю семью Ван, на посмешище всех выставил!

Эта вспышка действительно ошеломила всех присутствующих, даже Ван-да с Ван-эром не удержались:

— Ма, Юй-гер ведь в реку упал...

Хотя на самом деле все, кто был свидетелем происшествия, прекрасно знали: он не упал — он сам прыгнул.

Но Чан Цзиньянь перебила сына, не слушая ни слова, и продолжала дёргать Ван Сяюя за руку:

— Живо домой, я сказала!

И вот так, волоком и толчками, Чан Цзиньянь утащила Ван Сяюя прочь, оставив всех в недоумении. Ван-да, покрасневшись от стыда за весь этот позор, сунул Юй Шанчжи пятнадцать вэней за приём, после чего поспешно бросился вслед за ними.

Когда зеваки у ворот наконец разошлись, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай набрали воды и стали смывать грязь с бамбуковой циновки.

Вэнь Ецай долго молчал, но в конце концов не удержался и заговорил:

— На днях тётушка Цуйфэнь говорила мне, будто соседка семьи Ван видела, как Ван Сяюй среди ночи сидел на стене и бредил о смерти... Не думал, что он и вправду прыгнет в реку. Раньше его все недолюбливали, это правда, но если бы он так и умер — было бы все же жаль.

Между ним и Ван Сяюем были, в сущности, лишь ссоры и перебранки, не было в этом ничего, ради чего стоило бы желать человеку смерти.

У каждой семьи свои беды, и поведение Чан Цзиньянь только усугубляло подозрения — казалось, будто сам факт, что Ван Сяюй показался на людях, стал для неё позором, втоптавшим доброе имя семьи в грязь.

Снаружи вроде всё улеглось, но на самом деле волна пересудов уже понеслась по всей деревне. Стоило Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю выйти из дома, как со всех сторон доносились разные версии событий, по меньшей мере с десятков, и все разные. Самая распространённая гласила, что Ван Сяюй якобы сделал нечто недопустимое по отношению к Тан Вэню, за что получил от ворот поворот, и потому впал в отчаяние, желая свести счёты с жизнью.

Скорее всего, Ван Сяюй снова был заперт в доме, и даже братья Ван-да и Ван-эр, появляясь на людях, всячески избегали упоминания его имени. Однажды, случайно столкнувшись с ними, Юй Шанчжи даже заметил, как на лице Ван-да на мгновение мелькнуло выражение отвращения — и это было совсем не похоже на ту тревогу и облегчение, что он испытывал в день, когда брат уцелел после прыжка в реку.

Казалось бы, странностей в семье Ван и так было достаточно, но не прошло и двух дней, как в

доме Вэнь появился человек, которого уж точно никто не ожидал.

— Ты чего пришёл, старый мерзавец? — с порога гаркнул Вэнь Ецай, едва завидев У-ланчжуна. Он был так поражён, что чуть не принял его за привидение. В ту же секунду он подозвал обеих собак, которые встали по сторонам, готовые к обороне.

Тень от прошлого случая, когда псы гнались за ним, всё ещё преследовала У-ланчжуна, и он теперь и думать боялся о том, чтобы лезть враждовать с семьёй Вэнь. Он словно хотел бы скрыться под землю, но всё же вытянул шею вперёд и обратился к Вэнь Ецаю:

— Маленький господин, я слышал, что твой супруг теперь лечит, как травник и знахарь. У меня тут больной есть, могу его к вам направить. За приём предлагают целых десять лян!

Юй Шанчжи уже вышел из дома, услышав шум, и, узнав в пришедшем У-ланчжуна, был не меньше поражён. А когда услышал, что именно тот говорит, и вовсе посмотрел на него с полным недоумения лицом.

— У тебя больной? Вот сам его и лечи, — холодно отрезал Юй Шанчжи. — Или, может, ты не хочешь зарабатывать эти десять лян серебром?

У-ланчжуна почти трясло от страха перед оскалившимися псами — он изо всех сил упрашивал, пока Вэнь Ецай, хмыкнув, наконец не велел собакам немного отойти. А то и впрямь, если бы старик прямо тут в штаны наложил, вонь стояла бы у самых ворот их дома.

Когда псы немного унялись, У-ланчжун вместе со своей седой бородкой, колыхавшейся от ветра, шагнул ближе и попытался изобразить доверие и благонадёжность.

— Я уже в деревне Шуймо слышал: говорят, что в деревне Селю как-то расплзлась сыпь среди ребятишек, и именно ты вылечил, — начал он, с явным усилием подбирая слова. — Я ведь и сам знаю, что руки у меня не те... когда на кону человеческая жизнь, как можно рисковать? Что же до платы...

Он потер руки и продолжил с подкупающей улыбкой:

— Если уж ты получишь эти десять лян... ну, много не надо - отстегни мне пять цяней.

Вэнь Ецай бросил на него взгляд, острый, как нож, отчего у У-ланчжуна затряслись колени.

— Ладно-ладно! Три цян! Нет, два! Пусть два будет! Я ведь не зря пешком столько дороги прошёл, правда?

Юй Шанчжи и впрямь не горел желанием связываться с этим скользким, вечно увиливающим

старым ловкачом, но всё же слова «человеческая жизнь на кону» зацепили его.

— Где находится твой больной? И какие у него симптомы?

<http://bllate.org/book/13600/1205959>